

УДК 811.161.1

**О ФЛЕКТИВНОМ ПАРАЛЛЕЛИЗМЕ *-и // -ие*
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА***В.А. Богородский***Аннотация**

Статья посвящена становлению морфологических норм в русском литературном языке XVIII века. Описывается преодоление флективного параллелизма *-и // -ие* в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода. Исследуется роль семантических, стилистических и синтаксических факторов в этом процессе. Делается вывод о том, что формирование частной грамматической нормы происходило во второй трети XVIII века, а длительность процесса преодоления флективной вариативности не связана с генетическими характеристиками грамматической формы.

Ключевые слова: вариативность флексий, норма, кодификация, стандартный язык.

В произведениях конца XVII – начала XVIII в., принадлежащих разным жанрово-стилевым пластам русского языка, в именительном падеже множественного числа существительных мужского рода с основой на мягкий согласный наряду с регулярной флексией *-и* отмечается употребление окончания *-ие*. Например: *Хотяи увеститися меркурьи како людѣ его ценят приим образ ч(е)л(ове)ческ в дом кумирников прииде* (Притчи, л. 4Д); *Сице бысть в Риме ибо егда в народе бе гладъ великий и людѣ к правителем пришедше хотяху оных убити* (Зрилище, л. 18); *Какую преудивительную способность древния люди к таким действиям имели* (Прим. Вед., с. 346); *Тогда проклятии возмутителие уклониша оружие пред себе* (см. [1, с. 99]); *Что начальнейшие некоторые возмутители стрельцы держали тайно раскол* (см. [1, с. 99]); *Учители церковные* (ВЛ, с. 330); *Но учителяе первенствующия церкви* (Геогр. ген., с. 56); *Конец и намерение поста есть плотския похоти укротити и д(у)х поработити якоже обще вси учителяе научают* (КВ, л. ѿт–ѳ); *Жителие же тех домов... реша страшливым сердцем...* (см. [1, с. 99]); *Таковы были цари христианские... которые вождом своим... вручали воинские дела сами доматори бывшие* (Ведомости, с. 257); *Мною царие царствуют и сильнии пишут правду* (Пркп. Ц. вл., л. и); *Бояшася его царие и короли* (Сип., с. 210); *Подписание же подобно, яко цари пожаловаша их за себя* (см. [1, с. 100]); *То лутче бы царие щитом сея истинны безопасны и безпечальны пребывали* (Пркп. Ц. вл., л. еі об.).

Возникновение приведенного типа вариативности объясняется взаимодействием старых словоизменительных классов в процессе унификации системы именного склонения. Изначально окончание *-ие* было характерно для форм только именительного падежа множественного числа существительных *й*-основ.

Однако в результате известного взаимодействия именительного и винительного падежей в истории языка возникла вариативность форм на *-ие // -и* среди существительных мужского рода на полумягкий согласный. А после второго непереходного смягчения согласных, вызванного падением редуцированных гласных и изменением фонематических признаков полумягких и мягких согласных, варьирование форм распространилось и на существительные *jđ*-основ, имевших в именительном падеже окончание *-и* дифтонгического происхождения [2]. Вновь образованные на восточнославянской почве формы оказались переосмыслены и вовлечены в развитие собирательных существительных на *-ье* [3]. Рефлексы грамматической категории собирательности обнаруживаются и в языке XVIII века, например различие форм *перье – перья, угли – уголья* у М.В. Ломоносова [2]. Однако среди существительных, являющихся наименованиями лица, в рассматриваемый период не наблюдается четкого противопоставления значений совокупного и расчлененного множеств. Варьируемые формы типа *князие – князья, мужие – мужья* и подобные, взаимодействовавшие с собственно собирательными существительными типа *братия* и *господа*, начинают различаться не только грамматически, но также семантически и стилистически. Следовательно, варьирование форм на *-u // -ие*, отмечаемое в текстах первой половины XVIII века, должно рассматриваться (наряду с аналогичными явлениями типа варьирования инфинитивных показателей *-ти // -ть* или окончаний прилагательных *-ья // -ой*) в рамках исследований по истории русского литературного языка (а не только в русле традиционной исторической грамматики и диалектологии). При этом главным объектом изучения должна быть *норма* и нормативный статус приведенных вариантных форм.

Становление современной грамматической нормы интересующих нас форм должно быть отнесено ко второй трети XVIII в. Основанием для такого предположения являются следующие факты.

Во-первых, отдельные случаи употребления окончания *-ие* находим в текстах, публикуемых в 1750–1760 гг.: *людие будут богатеть от востока к западу* (Юнг Ст. суд, с. 13); *О! вы, людие, собранны толь от многих народов, Вам представляеть предложение...* (Трд. Тилем., I, XI, с. 183).

Во-вторых, грамматические описания «российского языка» первой половины столетия вслед за грамматикой М. Смотрицкого указывают на несколько вариантных форм: *тии настырие или настыри...* (Смотрицкий 1648, л. рк2); *тии свидетелие или <свидете>ле... тии врачие, врачи или врачеве... тии Господие... людие* (Смотрицкий 1721, л. за–зи). В грамматике И. Пауса имеются следующие формы: *Ц(a)рие, -и, -еве* [4, с. 179]; а в грамматическом сочинении Г.В. Лудольфа приведена форма *князие* [5, с. 121]. И хотя уже в грамматике Е.В. Адодурова содержится примечание, что «некоторые предпочитают их <формы князие> формам князья, хотя это неправильно и превращает данные слова в славянские, поскольку указанные окончания именно этому языку и принадлежат» [6, с. 207], однако отсутствуют формы *людие* и *князие* только в грамматиках М. Гроенинга и М.В. Ломоносова, опубликованных в 1750 и 1755 годах соответственно.

В-третьих, при редактировании перевода «Генеральной географии» Варения [7, с. 256] формы на *-ие* заменяются формами на *-и* непоследовательно,

то есть они не рассматриваются редактором (в отличие, например, от форм с рефлексам палатализации) в качестве маркеров книжного языка предыдущей эпохи.

Тот факт, что вариантные формы на *-ие* в петровских «Ведомостях» употребляются спорадически, а в «Письмах и Бумагах императора Петра Великого» – единожды [8, с. 226] (*Веселитесь, Росийския под игом железным шведские неволи стоящие людие* (ПБП, II, с. 539)), не противоречит ранее выдвинутому тезису о времени формирования частной грамматической нормы. Варьирование приведенных форм представлено неравномерно даже в текстах стилистически и тематически однородных произведений. Так, в русских оригинальных сочинениях конца XVII – начала XVIII в. «примеры на старую форму *людие* довольно многочисленны, но они концентрируются в двух повестях петровского времени», которые «больше других содержат морфологических архаизмов» в языке бытовых повестей XVII – XVIII вв. [9, с. 180]. Среди исторических и военных повестей выделяется группа, в которой формы на *-ие* вообще не фиксируются [1, с. 99]. В сочинениях Ф. Прокоповича того же периода также можно констатировать неравномерное распределение вариативных форм: наиболее частотны они в трактатах «Политиколепная апофеосис» и «Слово о власти и чести царской».

Наблюдения над распределением и частотностью употребления вариантных форм в разножанровых произведениях первой половины XVIII в. позволяют сделать заключение о зависимости употребления форм на *-ие* от степени литературной обработанности текста. Такая зависимость согласуется с наблюдениями об ограниченности употребления форм на *-ие* в деловом языке XVII века [10, с. 85] и не противоречит выводам других исследователей, утверждавших, что «формы на *-ие*... употребляются только в “окниженных” фрагментах» [1, с. 101] или: «формы на *-ие* могут быть осмыслены как “элемент общестилистического плана”» [9, с. 181].

Наблюдаемая в текстах исторических повестей, созданных на рубеже веков, закономерность употребления вариантных форм *люди/людие* (свидетельствующая о книжной маркированности форм на *-ие*), когда «с определением употребляется унифицированная форма *люди*, без определения – *людие*» [1, с. 101], не подтверждается материалами других произведений: *Слохотніи людіе и неприятели, многия везде семинария сі есть училища народа Аглинскаго создали* (Пуф. Ист. 1718, с. 141); *Бласіи же и преподобніи людіе ово многих и великих требуют* (Апофеосис, с. 112); *Около ея же людіе радующеся и тую почитаще стоятъ* (Апофеосис, с. 149); *Согрешішиа велми людіе І(зра)илстїи оставльше истиннаго Б(о)га* (Буж. Ап. Андрей, л. s об.); *Іхъ сердце суть в рукахъ божїихъ но яко да сія іхъ же мносії знаменїтїи людіе въ істинныхъ і совершенныхъ монархахъ требоваху і іскаху* (Апофеосис, с. 143). Однако можно с уверенностью утверждать, что форма с окончанием *-ие* не употребляется в тех случаях, когда сочетание существительного *люди* с прилагательным образует единую номинацию: *На беседахъ молодые люди редко исправляются а скорее соблажняются и портятся* (Апофегм., с. 33); *Никакия служивыя люди не будут иметь квартиры* (УВМ, с. 175); *Вашего цесарского величества думные люди говорили ему...* (ПБП, I, с. 97); *Чтобъ работные люди суслу не пили* (Тат. Эк. зап., с. 23); *Торговые люди должны дать*

о том ведение интенданту (УВМ, с. 514); *Ратные люди* (ПБП, I, с. 81); *Ремесленные люди* (МРФ, I, с. 50); *Мастеровые люди питались бы своим рукоделием* (Пш. КСБ, с. 194); *Офицеры или начальные люди* (Кн. экс., III, с. 1).

Тезис о том, что «для обозначения множественности (одушевленных существительных)... используются книжные собирательные образования на *-ие*» [1, с. 99], не подтверждается в исследованиях, посвященных анализу грамматических форм типа *людие* в текстах интересующего нас периода. Декларативный характер имеет также определение «формы на *-ие* с собирательным значением», используемое Г.С. Кириченко [11, с. 129] при описании форм производных существительных с суффиксом *-тель*: *Москвитяне суть хранителие и хвалителие своих (догмат)* (ПБП, II, с. 718). Очевидно, примечание, имеющееся в грамматике И. Пауса, о том, что «в славянском собирательное от *господиень господие*, а в русском *господи* или (согласно употреблению) *господа*» [6, с. 202], не может быть привлечено в качестве аргумента. Приводимое в перечне различий славянского и русского языков, оно указывает скорее на книжный характер, чем на собирательное значение форм на *-ие*.

Поскольку достоверные примеры лично-собирательных образований на *-ье* в древнерусском языке пока не зафиксированы, данные формы могут быть интерпретированы как собирательные только в связи с развитием в среднерусский период так называемых вторичных собирательных [12, с. 157–158]. Однако И.Э. Еселевич, в работе которой детально анализируется процесс формирования лично-собирательных существительных на *-ье*, ввиду немногочисленности примеров ограничивается констатацией «функциональной сближенности» (не тождественности!) «форм совокупного и расчлененного множественного» и предпочитает говорить о «возможности переосмысления форм именительного множественного» [3, с. 42–44]. Однако собирательными при омонимии форм на *-ье* могут быть признаны только такие образования, собирательный характер которых подтверждается включением слова в парадигму единственного числа или наличием контекстуальных уточнителей, например местоимения *весь*. Кроме того, вновь образуемые собирательные на *-ье* обладали ярко выраженной экспрессивной окраской, например *мужичьё*, *холопье*, и потому уступили в литературном языке XVIII в. образованиям с суффиксом *-ство* типа *купечество*, *студенчество* [13, с. 53; 14, с. 46].

Анализ контекстов употребления форм на *-ие* от производных существительных с суффиксом *-тель* в произведениях конца XVII – начала XVIII в. и сопоставление его результатов с наблюдениями исследователей над функционированием вторичных собирательных на *-ье* доказывают неправомочность предположений о наличии оттенка собирательности в значении грамматических форм на *-телие*, так как указанные формы согласуются с другими лексемами исключительно во множественном числе, не распространяются местоимениями *все* и характеризуются иной стилистической тональностью – «окниженности». *Тако и пастырие и учителяе и просто вси духовные имеют собственное свое дело* (Пркп. Ц. вл., л. 21); *Ниже во уставлениях гражданских упражняющихся ниже историки ниже учителяе инии лишатися могут географского познания* (Геогр. ген., с. 8); *Се той есть, о хр(и)столюбивши слышателие, вопрос от ветхаго законника предложенный Христу... как мне спасится* (Пркп.

Ал. Невск., с. 1); *Тако вси богомудрии учителяе твердят...* (Пркп. Ц. вл., л. *bi*); *и я думаю, что творителие а не слушателие закона божіего оправдяться* [5, с. 88]. Как книжная должна быть охарактеризована и форма именительного множественного на *-ие* существительного *царь*, соотношенность которого с определенным классом референтов (денотатов) препятствует сближению форм дискретного множественного с собирательными: *Не легко со престола сходят царие* (Пркп. Ц. вл., л. *zi* об.); *Ополчишиися на того же мнози царие и начат ужасатися Иисусъ* (Буж. Ангут., л. *з* об.); *Сами царие сожительствуют и собеседуют з бояры* [1, с. 100]; *Мнози царие тако царствуют, яко простой народ дознатися не может* (Пркп. Ал. Невск., л. *и* об. – *i*).

Выводы о наличии/отсутствии значения собирательности у формы *людие* являются проблематичными, так как в ряде контекстов названная форма действительно сопровождается определительным местоимением *весь*, хотя и в форме множественного числа: *Благословен Г(оспо)дь Б(о)гъ I(зра)ілев и да рекуть вси людие буди...* (Пркп. Полт., л. *в* об.); *И вси людие бывшии на корабле от сердечные рыдания изменились* (Сип., с. 163). В лексиконе Ф. Поликарпова формы *Людъ и людие* переводятся как *Populus Plebs Nomines* (ЛП, с. 166).

Однако особого внимания и дальнейшего изучения заслуживает тот факт (на который не обращалось внимания в исследованиях по именному склонению в языке XVIII в.), что форма *людие* дольше употребляется в таких синтаксических конструкциях, где она выступает в функции вокатива: *Слышите мя братия моя и людие мои помыслихъ на сердце моем да созижду дом* (Буж. Ангут., л. *s*); *Таковую к ним речь произнес аще бы рече: О людие, не были вы глушиши от пчел ваших было бы добро* (Пркп. Ц. вл., л. *з* об.); *Сия вам б(о)гомвозлюбленни людие разсуждающе онаго же непостижимаго промысла б(о)жия* (Буж. Нотенб., л. *а* об.); *Блажен еси I(зра)ілю кто подобен вамъ людие спасенни от Г(оспо)да* (Буж. Ангут., л. *n* об.). Примечательно, что единичные случаи употребления формы *людие* во второй половине XVIII в., отмеченные в Картотеке Словаря русского языка XVIII века Словарного сектора ИЛИ РАН, приходятся исключительно на конструкции с обращением: *Людие мои, что сотворишь вамъ* (САР¹, III, с. 1379); *Благословите днесь, о людие и вы, и ты Израиль предызбранный* (Трд. СП, II, с. 137); *О великодушны людие, толь от многих народов кои цветуть именами* (Трд. Тилем., I, X, с. 177). Хотя следует оговориться, что в трех последних примерах может иметь место проявление авторского стиля В. Третьяковского. В том же переводе находим: *Мужіе Критстіи! Вас прошу теперь попустить мне...* (Трд. Тилем., I, VI, с. 93). В.М. Живов отмечает, что «практика самого Третьяковского в высоких поэтических жанрах (например, в Телемахиде) не соответствовала жестким требованиям <морфологической нормализации>... здесь наблюдается вариативность форм» [6, с. 334].

Таким образом, наблюдения над преодолением флексивного параллелизма *-и // -ие* и становлением современной нормы всецело согласуются с теорией В.М. Живова о причинах и механизмах преодоления вариативности. Как было отмечено выше, из нового «простого» языка начала XVIII в. устраняются только те варианты формы, которые «служат семиотическим индикатором книжного характера текста» [15, с. 25]. Следовательно, стремительное исчезновение форм на *-ие* типа *царие* и *учителие* в петровскую эпоху (при сохранении формы *людие*,

встречающейся даже в текстах второй половины XVIII столетия) объясняется исключительно их книжной маркированностью. История становления данной грамматической нормы, несмотря на свою непродолжительность, являет собой яркий пример, иллюстрирующий то положение, что в процессе отбора вариантов значение имели исключительно функциональные (семантические и синтаксические), а не генетические параметры. Формы типа *жителие* не были «более архаичными» или «менее русскими», чем формы *людие*. Их устранение обусловливается принадлежностью к старой книжной культуре, требующей от читателя особой подготовки, а от писателя – литературного мастерства.

Summary

V.A. Bogorodskii. Overcoming of Inflectional -u // -ue Parallelism in the 18th Century Russian Language.

The article deals with the formation of morphological norms in the Russian literary language in the 18th century. The process of overcoming of inflectional *-u // -ue* parallelism in plural forms of masculine gender nouns in the nominative case is described. Semantic, stylistic and syntactic aspects of this process are studied. The following conclusions are made: 1) the process of overcoming of inflectional variation took place in the middle of the 18th century; 2) its duration has no connection with the genetic characteristics of the grammatical form under study.

Key words: variation of inflections, norm, codification, standard language.

Источники

Указатель источников в порядке алфавита сокращенных обозначений // Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарем. Указатель источников. – Л.: Наука, 1984. – 142 с. – URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/sl0/sl0-056-.htm>, свободный.

Литература

1. *Солуянова Е.Г.* Язык русских исторических сочинений конца XVII – начала XVIII века: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 265 с.
2. *Марков В.М.* Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. – М.: Высш. шк., 1974. – 143 с.
3. *Еселевич И.Э.* Из истории категории собирательности в русском языке. Очерки. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1979. – 159 с.
4. *Михальчи Д.Е.* Славяно-русская грамматика Иогана Вернера Паузе: Дис. ... д-ра филол. наук. – Л., 1969.
5. *Лудольф Г.В.* Русская грамматика. – Л.: Ленингр. НИИ языкознания, 1937. – 165 с.
6. *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. – М.: Яз. рус. культуры, 1996. – 591 с.
7. *Живов В.М.* Новые материалы для истории перевода «Географии генеральной» Варения // Изв. АН СССР. Сер. литературы и языка. – 1986. – Т. 45, № 3. – С. 246–260.
8. *Семин И.Е.* Именное склонение в «Письмах и бумагах Петра»: Дис. ... канд. филол. наук. – Куйбышев, 1953. – 362 с.
9. *Фролова С.В.* Именное склонение в русской оригинальной бытовой повести XVII – XVIII столетия // Учен. зап. Куйбыш. гос. пед. ин-та. – 1948. – Вып. 9. – С. 175–194.

10. *Тарабасова Н.И.* Явление вариантности в языке московской деловой письменности XVII века. – М.: Наука, 1986. – 164 с.
11. *Кириченко Г.С.* Именительный падеж имен существительных в языке «Писем и бумаг Петра Великого» // Учен. зап. Ровен. гос. пед. ин-та. – Ровно, 1959. – Вып. 4. – С. 108–138.
12. *Азарх Ю.С.* Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. – М.: Наука, 1984. – 247 с.
13. *Азарх Ю.С.* К истории словообразовательных типов вторичной собирательности в русском языке // Исследование по исторической морфологии русского языка. – М.: Наука, 1978. – С. 49–72.
14. *Ножкина Э.М.* Значение имён существительных с суффиксом -ЬСТВО в древнерусском языке // Вопр. рус. языкознания. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1961. – С. 31–50.
15. *Живов В.М.* Смена норм в истории русского литературного языка XVIII века // Russian Linguistics. – 1988. – V. 12. – P. 3–47.

Поступила в редакцию
30.03.11

Богородский Владислав Александрович – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: bogorodskiy.vlad@mail.ru